

// Нова філологія: Зб. наук. пр. – Запоріжжя: Вид-во Запоріжськ. нац. ун-ту, 2005. – №2(2). – С. 203-208.

МОРОЗОВА Е.И.

(Харьковский нац. ун-т)

ЕДИНИЦА ДИСКУРСИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЖИ

Традиционная лингвистика, для которой характерен изолирующий подход к выделению и описанию своих объектов, не обращалась к рассмотрению способов речевой реализации лжи по причине отсутствия соответствующих конвенциональных языковых средств. Выявление закономерностей того, каким образом осуществляется введение собеседника в заблуждение посредством сообщения, считалось проблемой «не лингвистической». Последнее определение сегодня утратило свой былой статус символической границы между «законным» и «незаконным» в лингвистической науке. Для антропологической лингвистики характерно обращение к рассмотрению языковых фактов во всем многообразии их реальных функций. При таком подходе, вполне естественно, она не может обойти вниманием такую форму естественной коммуникации, как ложь, которая при широкой трактовке данного понятия, столь же частотна, как и правда [Turner 1975; DePaulo 1994].

Задача лингвиста, обращающегося к анализу данного объекта и имеющего в своем распоряжении современный аппарат теоретического описания, состоит в том, чтобы систематизировать контекстные факторы, которые в своей совокупности дают основания для квалификации того или иного высказывания как лжи. При этом следует четко разграничивать позиции пользующегося языком индивида и исследователя. Если для первого важно, как распознать ложь и не стать жертвой словесных манипуляций, то перед вторым стоит иная цель – выработать научное определение и описать объект, то есть создать теоретическую модель, максимально полно учитывающую различные виды лжи. Необходимым шагом на пути к ее

достижению является выделение единицы анализа, то есть определение единицы дискурсивной реализации лжи.

Данная проблема исследователями ранее не ставилась по причине того, что в качестве материала при обращении к реализационному аспекту лжи использовались либо искусственно сконструированные сообщения [Coleman, Kay 1981; McCornack 1992], либо сообщения, порожденные в экспериментальной обстановке [Burgoonetal. 1996; Bulleretal. 1996a, b; Metts 1989; Zuckermanetal. 1981]. Содержание таких реализаций является «заданным», а проблема их делимитации искусственным образом снимается, поскольку со-текст таких сообщений является нулевым или минимальным.

Целью настоящей статьи является определение единицы дискурсивной реализации лжи. Изложению нашей позиции предпослём краткий обзор работ, в которых рассматривается проблема выделения единиц дискурса.

На начальном этапе исследование единиц дискурса осуществлялось в рамках лингвистики текста, а сам термин «дискурс» трактовался в структуралистском духе как «иерархический уровень выше уровня предложения» [Harris 1952]. Статусом единицы дискурса наделялись единицы различных (под)уровней системы языка, из которых «строится» дискурс: морфема [Harris 1988], словосочетание [Фоменко 1975], клауза [Linde, Labov 1975], предложение [Солнцев 1978; Lyons 1977]. В основе такого подхода лежит посылка, что структурность дискурса обусловлена природой его конституентов. Л.С. Выготский подчеркивает, что в данном случае речь может идти лишь об элементах, но не единицах [Выготский 1996, с. 46-48]. Вполне естественно, что при структурном подходе ложь оказывается вне сферы компетенции лингвиста, поскольку она не имеет конвенциональных средств выражения.

Сторонники функционального подхода подходят к проблеме выделения единиц дискурса с иных позиций, исходя из холистической точки зрения на устройство языка и функционирование его единиц. Единица дискурса, выделяемая с таких позиций, функциональна по отношению к

целому, частью которого она является, и обладает его основополагающими свойствами.

Функциональное в своей основе понимание дискурса как мыслекоммуникации обуславливает его онтологическую двойственность: одной своей стороной он обращен к коммуникации, социальному взаимодействию, а другой – к когниции, сознанию человека. При функциональном подходе к выделению единиц дискурса в фокусе внимания исследователя могут быть как коммуникативные, так и когнитивные их свойства. Соответственно, в общем русле функционального подхода мы условно выделяем коммуникативное и когнитивное направления в зависимости от целей исследователей, признания ими приоритета коммуникации или когниции.

Г.В. Колшанский, утверждая приоритет коммуникации, считает базовой единицей коммуникации текст, а высказыванию отводит роль вспомогательной, элементарной единицы [Колшанский 1984]. Е.В. Падучева, напротив, считает основной единицей речевой деятельности высказывание [Падучева 1985].

Т.А. ван Дейк считает, что ни текст, ни высказывание не могут претендовать на статус единиц дискурса в силу того, что их определения не учитывают деятельностный аспект последнего, а «ограничиваются рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или ... диалога» [Дейк 1989, с. 122]. Он пишет, что «дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [там же, с. 121-122]. Позиция Т.А. ван Дейка в данном вопросе близка ко взглядам исследователей, работающих в русле этнографии коммуникации и теории речевых актов. Первые выделяют в качестве коммуникативных единиц ситуацию (communicative situation), событие (communicative event) и акт (communicative act) [Hymes 1972; Saville-Troike 1989]. Понятие

коммуникативного акта в этнографии коммуникации соотносимо с понятием речевого акта, являющегося минимальной единицей речевого действия в теории речевых актов [Остин 1986], с тем отличием, что коммуникативный акт может быть осуществлен путем использования как вербальных, так и невербальных средств, а речевой акт совершается только вербально. Вышеперечисленные подходы объединяет то, что в фокусе внимания исследователей находится говорящий, а слушающему, соответственно, отводится второстепенная роль. При рассмотрении лжи объяснительная сила таких теорий оказывается недостаточной, поскольку само понятие лжи конструируется в диалогическом взаимодействии, при активной роли слушающего.

Объектом исследований, проводимых в русле конверсационного анализа, является устный диалогический дискурс повседневного общения, в качестве единиц которого выделяются: разговор (conversation), топик (topic), последовательность (sequence), смежная пара (adjacency pair), реплика (репликовый шаг) (turn) [Sacks et al. 1974]. Усилия представителей Бирмингемской школы дискурс-анализа направлены на выявление закономерностей организации диалогического дискурса путем установления реляционных свойств его единиц. В качестве единиц дискурса они выделяют коммуникативное взаимодействие (interaction), транзакцию (transaction), обмен (exchange), ход (move), коммуникативный акт (act) [Sinclair, Coulthard 1975; Sinclair, Brazil 1982]. Минимальной единицей коммуникативного действия они считают коммуникативный ход [Sinclair, Coulthard 1975; Sinclair, Brazil 1982; Edmondson 1981], а коммуникативного взаимодействия – обмен [Sinclair, Coulthard 1975] (ср. интерактивный блок, простая интеракция, элементарный цикл [Сусов 1984; Макаров 2003, с. 186-187]). Подчеркнем, что в фокусе внимания ученых, принадлежащих к различным школам интеракционного анализа дискурса, находятся функционально-структурные аспекты единиц речевого общения, тогда как при рассмотрении лжи велико значение контекста.

Представители когнитивного направления в исследовании дискурса сосредоточивают усилия на поиске когнитивных объяснений культурных и социальных факторов, которые оказывают влияние на его организацию. В когнитивноориентированныхисследованиях в качестве базовой единицы дискурса рассматриваются: пропозиция [Clark, Clark 1977; Grimes 1975; Kintsch 1974], минимальный промежуток текста (minimal textspan) [Mann, Thompson 1988], интонационно-смысловое единство (closure) [Chafe 1980, 1987, 1993, 1994], событие использования (usage event) [Langacker 2000, p. 262-266; 2001]. Однако при выделении единицы дискурсивной реализации лжи исключительно на семантико-когнитивной основе вне фокуса внимания исследователя оказываются ее деятельностные характеристики.

Предпринимая попытку учесть различные аспекты дискурса, Л. Полани объединяет в рамках предлагаемой ею иерархии такие единицы, как предложение, репликовый шаг, речевой акт, речевое событие [Polanyi 1988] и жанр [Polanyi 2001]. Очевидно, однако, что вышеперечисленные единицы дискурса выделяются на основе разнородных критериев, в результате чего в систему объединяются сущности, имеющие разную природу.

Таким образом, для всестороннего описания лжи не подходят единицы, выделяемые с позиций исключительно структурного, коммуникативного или когнитивного подхода; некорректным также представляется сведение в систему единиц, выделяемых на основе разнородных критериев. Так, ложь не может быть определена как предложение/высказывание, поскольку ее ключевые характеристики содержатся не в сообщении, а в контексте. Ее сущность не отражают и единицы, выделяемые на коммуникативной основе, поскольку ложь – это, строго говоря, действие не коммуникативное, а скрыто-стратегическое, маскируемое под коммуникативное. При анализе лжи исключительно в когнитивных терминах вне фокуса внимания оказываются ее манипулятивный потенциал. Таким образом, для адекватного представления дискурсивных реализаций лжи требуется единица с

множественной системой координат. Для ее обозначения мы вводим понятие дискурсемы.

Дискурсема представляет собой единицу дискурса, подводящую под сложное языковое выражение квант «текущего пространства дискурса» (currentdiscoursespace) [Langacker2000, р. 262-263; 2001, р. 144], определяемого Р. Ленекером как «ментальное пространство, которое включает элементы и отношения, представляющие собой совместно конструируемую говорящим и слушающим основу коммуникации в данный момент развития дискурса» [Langacker 2001, р. 144]. Такой подход к решению проблемы выделения единицы дискурса ставит в центр внимания субъектов коммуникации, а не используемые ими языковые средства.

Дискурсема лжи – это представляющий собой законченное целое результат речемыслительной деятельности субъектов коммуникации, характеризующийся осознаваемой говорящим направленностью на введение слушающего в заблуждение относительно некоего положения вещей, которое, с его точки зрения, имеет место в действительности, путем представления ложной пропозиции как истинной, что осуществляется посредством сокрытия им от слушающего как факта изменения пропозиции, так и своих истинных знаний, намерений и целей. Данное определение не является исчерпывающим, но поскольку наша цель – не формализация, а объяснение, то мы принимаем его в качестве рабочего с тем, чтобы уточнить его в ходе последующего анализа.

«Законченность» дискурсемы лжи, означающая неделимость единицы в пределах того уровня, в который она входит [ЛЭС 1990, с. 149], не исключает возможности ее описания в различных ракурсах, или «измерениях», которые мы выделяем на основе разграничения ее функций. Такой подход согласуется с бюлеровским принципом полифункциональности языкового знака, но «абстрактивно-релевантные признаки» [Бюлер 2001, с. 45-47] дискурсемы лжи выделяются нами на иной, нежели у Бюлера, основе – семиотической. Ю.С. Степанов, отмечая соответствие универсальных

свойств языка аспектам общей семиотики, выводит на основе семиотического деления отношений знаков на синтаксис, семантику и прагматику [Моррис 2001] три функции языка: синтаксическую, номинативную и прагматическую, которые лежат в основе всех возможных употреблений языка как средства общения, познания и воздействия [Степанов 1973].

Дискурсема – знак иной природы, нежели номинация. Она соотносится с предложением/высказыванием, которое характеризуется как «сложный знак» [Моррис 2001, с. 66], «динамическое целое» [Степанов 2001, с. 10], но, несмотря на эти отличия, она все же является знаком, «развертывающимся по законам языка» [там же, с. 11]. В силу этого вышеперечисленные функции, при сохранении основного принципа выделения, предстают в ином «облике». Так, номинативная функция слова предстает как концептуальная/идеационная [Halliday 1978] функция дискурсемы, синтаксическая – как текстовая [там же], прагматическая – как коммуникативная, или межличностного взаимодействия [там же]. Таким образом, описание дискурсемы лжи в когнитивном плане предполагает ответ на вопрос «На что указывает знак?», в коммуникативном плане – «Как используется знак?», в текстовом плане – «Что выступает как знак?».

Поскольку отличительной характеристикой лжи является сокрытие от слушающего как факта искажения известного говорящему действительного положения вещей, так и истинных мыслей и намерений говорящего, очевидно, что концептуальный, текстовой и коммуникативный аспекты плана содержания дискурсемы лжи имеют свою специфику, для выявления которой необходимо принимать во внимание не только содержание языкового знака, но и его контекст, а также общие знания коммуникантов о мире. Соответственно, в плане содержания дискурсемы лжи выделяем следующие «слои»:

- 1) предметная ситуация, содержание которой определяется в соответствии с функциями языкового знака: концептуальная функция

– структура объективной информации о предмете коммуникации (пропозициональная структура), текстовая функция – особенности текстовой «упаковки» этой информации (ассерция/пресуппозиция, тема/рема, данное/новое, эмпфаза, фокус эмпатии и т.п.), коммуникативная – специфика речевого действия, совершаемого посредством данного знака, в том числе, и в реляционном аспекте (речевой акт, коммуникативный ход и т.п.);

- 2) коммуникативная ситуация, включающая саму предметную ситуацию, говорящего, слушающего, их взаимодействие, а также непосредственные обстоятельства их коммуникативного взаимодействия (в первую очередь, место и время);
- 3) социально-культурный контекст, центральное место в структуре которого занимает коммуникативная ситуация. Таким образом, тот факт, что говорящий и слушающий находятся в коммуникативных отношениях также является одним из параметров контекста, а, следовательно, предметная ситуация также представляет собой составляющую контекста;
- 4) знания коммуникантов о мире, которые включают и их представления о дискурсе, участниками которого они являются, в частности, их знания о предшествующих дискурсивных событиях, о текущем дискурсе, а также о возможных путях его развития.

Таким образом, образно план содержания дискурсеми можно представить как «луковицу» (ср. [Dirven, Verspoor 1998, p. 100]), «сердцевинкой» которой является предметная ситуация, а коммуникативная ситуация, социально-культурный и когнитивный контекст представляют собой охватывающие ее слои. Данная концептуальная метафора, как ей это и присуще, схематична. Она отражает лишь основной принцип организации дискурсеми как системного целого – вложенности, включенности одних слоев в состав других [Приходько 2005, с. 98]. Каждая единичная дискурсема демонстрирует весьма сложное сплетение характеристик, относящихся к

разным слоям. При распознавании лжи слушающим может, в принципе, быть активирована информация, относящаяся к каждому слою, однако в единичной дискурсе лжи, как правило, лишь отдельные элементы оказываются релевантными для слушающего, а другие остаются в латентном состоянии, хотя и, несомненно, присутствуют.

Литература

Бюлер К. Теория языка: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 2001. – 502 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996. – 416 с.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петров. Под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

Колишанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – 683 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45-97.

Остин Дж.Л. Слово как действие: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – С. 22-129.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

Приходько А.Н. Языковое картирование мира в паттерне «концептосфера – концептополе – концептосистема» // Нова філологія, 2005. – №1(21). – С. 94-104.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1978. – 342 с.

Степанов Ю.С. Семиотическая структура языка: Три функции, три формальных аппарата языка // Изв. АН СССР, сер. ЛиЯ, 1973. – Т. 32. – Вып. 4.

Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1984. – С. 3-12.

Фоменко Ю.В. Является ли словосочетание единицей языка // Филол. науки. – 1975. – № 6. – С. 60-65.

Buller D.B., Burgoon J.K. Interpersonal Deception Theory // Communication Theory. – 1996a. – Vol.6, №3. – P. 203-242.

Buller D.B., Burgoon J.K., Buslig A., Roiger J. Testing Interpersonal Deception Theory: The Language of Interpersonal Deception // Communication Theory. – 1996b. – Vol.6, №3. – P. 268-288.

Burgoon J.K., Buller D.B., Guerrero L.K., Affi W.A., Feldman C.M. Interpersonal deception XII: Information management dimensions underlying deceptive and truthful messages // Communication Monographs. – 1996. – Vol.63. – P. 50-69.

Chafe W. The deployment of consciousness in the production of a narrative // The Pear Stories: Cognitive, Cultural and Linguistic Aspects of Narrative Production / Ed. by W. Chafe. – Norwood, NJ: Ablex Press, 1980. – P. 9-50.

Chafe W. Cognitive constraints on information flow // Coherence and Grounding in Discourse / Ed. by R. Tomlin. – Amsterdam: Benjamins, 1987.

Chafe W. Prosodic and functional units of language // Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research / Ed. by J.A. Edwards, M.D. Lampert. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1993. – P. 33-43.

Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1994. – 327 p.

Clark H.H., Clark E.V. Psychology and Language. – NY: Harcourt Brace Jovanovich, 1977.

Coleman L., Kay P. Prototype semantics: The English word 'lie' // Language. – 1981. – Vol. 57, № 1. – P.26-44.

DePaulo B.M., Kashy D.A., Kirkendol S.E., Wyer M.M., Epstein J.A. Lying in everyday life // Journal of Personality and Social Psychology. – 1994. – P. 43-51.

Dirven R., Verspoor M. Cognitive exploration of language and linguistics. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998. – 300 p.

Edmondson W. Spoken Discourse // Theoretical Linguistics. – 1982. – Vol.9, No 1. – P. 3-10.

Grimes J. The thread of discourse. – The Hague: Mouton de Gruyter, 1975.

Halliday M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. – L.: Arnold, 1978. – 260 p.

Harris Z. Discourse analysis // Language. – 1952. – Vol. 28.– P. 1-30.

Harris Z. Language and Information. – N.Y.: Columbia University Press, 1988.

Hymes D. Foundations in sociolinguistics: An ethnographic approach. – Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 1974. – 246 p.

Kintsch W. The Representation of Meaning in Memory. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1974.

Langacker R.W. Grammar and conceptualization. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.

Langacker R.W. Discourse in cognitive grammar // Cognitive Linguistics. – 2001. – Vol.12, №2.– P.143-188.

Linde C., Labov W. Spatial networks as a site for the study of language and thought // Language. – 1975. – Vol. 51.– P. 924-39.

Lyons J. Semantics. – Cambridge: CUP, 1977. – 897 p.

Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization // Text. – 1988.– Vol. 3, № 8. – P. 243-281.

McCornack S.A. Information Manipulation Theory // Communication Monographs. – 1992. – Vol. 59. – P. 1-16.

Metts S. An exploratory investigation of deception in close relationship // Journal of Social and Personal Relationships. – 1989. – Vol. 6. – P. 159-179.

Polanyi L. A formal model of discourse structure // Journal of Pragmatics. – 1988. – Vol. 12. – P. 601-38.

Polanyi L. The linguistic structure of discourse // The handbook of discourse analysis / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton. – Oxford: Blackwell, 2001. – P.265-281.

Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language. – 1974. – Vol. 50, No4. – Part I. – P. 696-735.

Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: An Introduction. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – 315 p.

Sinclair J.McH., Brazil D. Teacher Talk. – Oxford: OUP, 1982. – 187 p.

Sinclair J.McH., Coulthard R.M. Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils. – Oxford: OUP, 1975. – 163 p.

Turner R.E. Information control in conversations: Honesty is not always the best policy / R.E. Turner, C. Edgley, G. Olmstead // Kansas Journal of Sociology. – 1975. – № 11. – P. 69-89.

Zuckerman M., DePaulo B.M., Rosenthal R. Verbal and nonverbal communication of deception // Advances in experimental social psychology. Vol. 14. / Ed. by L. Berkowitz. —N.Y.: Academic Press, 1981. – P.1-59.